

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© Е.Н.Струк

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Статья посвящена анализу современного состояния российского общества. В ней рассматривается вопрос влияния нестабильности на социально-культурную ситуацию в стране, возникновения феномена социального хаоса. Раскрываются особенности России как пограничной цивилизации, определяющей ее социальное и культурное своеобразие. Отмечается, что современная ситуация нестабильности приобретает черты социокультурного предела, так как общество неспособно возвращаться в положение равновесия. Анализируются в связи с этим проявления ролевого и смыслового кризисов в состоянии социального хаоса, который является важным этапом социально-культурного предела.

Ключевые слова: социальные изменения, пограничная цивилизация, социальные пределы, смысловой кризис, ролевой кризис.

Формат цитирования: Струк Е.Н. Специфика социальной нестабильности современной России // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 3. С. 89–93.

SPECIFICITY OF SOCIAL INSTABILITY OF CONTEMPORARY RUSSIA

© E.N. Struk

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the current state of Russian society. It addresses the impact of instability on the socio-cultural situation in the country and the emergence of social chaos. The features of Russia as a borderline civilization that determines its social and cultural identity are revealed. It is noted that the current situation of instability takes on the characteristics of a sociocultural margin, since the society is unable to return to the state of equilibrium. In this regard, the author examines the manifestation of the role and semantic crises in the conditions of social chaos that is an important stage of a sociocultural margin.

Keywords: social changes, borderline civilization, social margins, semantic crisis, role crisis

For citation: Struk E.N. Specificity of social instability of contemporary Russia // Social Competence. 2017, vol. 2, no.3, pp. 89–93. (In Russian)

В современной России происходят глубокие социальные изменения, которые требуют от исследователей использования нетрадиционной методологии, направляющей главное внимание на движущие силы социокультурной динамики [1. С. 780–782]. Социокультурный подход к изучению трансформационных процессов становится одним из важнейших методологических ориентиров не только в поиске выхода из кризисного состояния, но и в определении перспектив развития российского общества. При этом мировые процессы, происходящие в различных культурах, поднимают вопрос о мере соотношения стабильности и нестабильности, порядка и хаоса. Анализируя специфику бинарности стабильность - нестабильность применительно к

условиям России, П. Чаадаев писал, что нестабильность проще связать с негативным состоянием, увидеть в ней отрицательное своеобразие России, а упорядоченный рационализированный универсализм Запада принять за положительное, достойное подражания начало. В. Соловьев считал, что само Провидение изначально поставило Россию между латинством Запада и басурманством Востока и её особая миссия состоит в том, чтобы примирить их. Россия в состоянии положить конец вековой распри великих исторических сил и показать на собственном примере, что существует возможность для их высшего единства. «Россия — страна, которая благодаря своим колоссальным возможностям, в том числе территории, может поворачивать, ко-

гда и куда надо. Этот аспект связан и с культурным наследием. Такое понимание соответствует парадигме нашей культуры. Культура позволяет нам соединять распавшееся» [2]. Однако положение «моста», «переправы», обрекает Россию на извечную двойственность и противоречивость. Феофан Грек писал о России как о женщине, сидящей на перепутье в задумчивой позе, в черном платье. «Она чувствует себя при конце времен, она думает о своем будущем. Она плачет. Берег реки или моря, край света, пути и дороги – были всегда местами, к которым стремился народ» [3]. Пограничный статус сформировал особый тип культуры и человека. «Огромная сила стихии и сравнительная слабость формы», – так понимал Н. Бердяев особую статью России [4. С. 64–67]. Русский народ воспринимается как народ, полный неожиданности, вызывающий беспокойство народов Запада. Неудержимый порыв насилия и вера в богочеловечество, величие и ничтожество, свобода и зависимость – всё это делает историческую судьбу России загадочной и неопределенной, непредсказуемой с точки зрения стабильности. «Одна черта, замеченная давно, действительно, составляет несчастье русских: это во всем доходить до крайностей, до пределов возможного. Эту же черту доведения всего до границ возможного и при этом в кратчайшие сроки можно заметить в России во всем. Хорошо это или плохо? Не берусь судить; но что Россия, благодаря этой своей черте, всегда находилась на грани чрезвычайной опасности – это, вне всякого сомнения, как и то, что в России не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта о счастливом будущем» [3]. Л. Франк, размышляя над данной проблемой, считал, что цель жизни состоит в обустройстве и выживании в условиях нестабильности. Безразличие материальных сил к чаяниям человека можно уравновесить безразличием к ним и заменой этих знаний чистотой помыслов. Именно Л. Франк, опередив время, указал, что в нестабильности всегда в потенциале содержится стабильность. Таким образом, нестабильность выступает средством стабилизации жизни [5].

Нестабильность оказала влияние на всю историю формирования России как особой евро-азиатской цивилизации. Её

феномен получил название пограничной цивилизации. Пограничность отражает смысловую альтернативу понятий инновации и традиции, Запада и Востока, их дихотомию и симбиоз одновременно. Этот комплекс противоречий проявляется в культуре через подавление разнообразия потребностей, а в области общественного самосознания в постепенном осознании своей личности и в создании идеологии и политической теории особого пути. В масштабе цивилизации пограничность проявляется либо в невозможности сделать выбор между западной и восточной моделями развития, либо во внутрицивилизационном напряжении, которое возникает в результате отторжения пограничной цивилизации представителями классических культур Запада и Востока. Особенности сознания пограничной цивилизации являются:

- одновременное ощущение своей родственности и чуждости по отношению к европейской и восточной культурным традициям;
- постоянная опасность и борьба с внешней средой;
- образ общего внешнего врага;
- особая значимость природного фактора в цивилизационной системе;
- постоянный переход через грань меры как способ бытия человека и общества [6. С. 222].

Пограничным цивилизациям свойственна позиция предела, когда особое значение придается переходным состояниям: окончанию жизни, ожиданию Страшного суда, границе перехода из мира живых в потусторонний мир и т. д. Ожидание Страшного суда в советской традиции заменяется стремлением к идеальному социальному пределу – коммунизму как вершине будущего. Для такой цивилизации характерен симбиоз разных культур. По мнению Н.А. Хренова: «В случае с русской культурой мы имеем дело со специфическим типом культуры, в котором состояние переходности представляет не просто один из сменяющих друг друга исторических периодов, а период исключительный, определяющий логику русской истории вообще. Получается, что переходность оказывается определяющим состоянием, в России история оказывается историей перманентного перехода» [7. С. 25].

Предельный характер российского общества проявляется в том, что страна чутко реагирует на глубинные социальные процессы, происходящие с человечеством. Кризис основ самого человеческого существования, разразившийся в конце XX – начале XXI вв. привел к социальным катаклизмам в стране (развал СССР, падение коммунистического режима и т. д.). Данный период характеризуется не только социальным хаосом, но и всеобщим системным кризисом. Кризис можно понимать как знак того, что привычный путь зашел в тупик, как указание на то что связь с прошлым обрывается, исток и корень исчезают в неопределенности, «порвалась связь времен», «мир вывернулся своими суставами». Связь пропала, происходит углубление вековых расколов, множатся неразрешимые противоречия, наступает время **социального хаоса**, когда исчезает цельное основание, фундамент цементирующий общество.

Современная ситуация нестабильности в российском обществе приобретает черты социокультурного предела, так как общество неспособно возвратиться в состояние равновесия. При этом данная неспособность приобретает хронический характер (неравновесие социокультурной системы переходит не в равновесное, а вновь в неравновесное состояние). Это состояние воспроизводится в том случае, когда социокультурная дифференциация не сопровождается интеграцией системы. Иными словами, социокультурная дезинтеграция есть дифференциация социокультурной системы без ее интеграции. В современном российском обществе (как и в любом современном, в том числе и стабильном обществе) действуют не только дезинтеграционные, но и интеграционные процессы. Но неравновесное положение приобретает «хронический», непреходящий характер в том случае, когда интеграционные процессы не способны нейтрализовать следствия дезинтеграции, а интегративные звенья в значительной степени утрачивают свою действенность. Следствием социокультурной дезинтеграции становятся тенденции к конфликтности социальных и личностных ожиданий (ролевой кризис), неконвенциональность, утрата личностного смысла (смысловой кризис).

Ролевой кризис проявляется в несовместимости и значительной доле парадоксальности, амбивалентности по многим параметрам личностных ожиданий, устремлений и надежд (свободы, справедливости как возможности реализации своих способностей и удовлетворения потребностей), с одной стороны, и социальных предписаний, ограничений, возможностей (в том числе ответственности личности перед обществом, его обязанностей), с другой стороны. В работах Н.И. Лапина, М.А. Шабановой и других авторов отмечается противоречивое сочетание представлений о порядке и свободе у российских граждан. Преобладают репрезентации о свободе как «свободы от», а не «свободы для». Современную социетальную свободу в России можно определить как неправовую и незаконопослушную в значительной мере сохранившую прежние административно-командные зависимости, где властвует не закон, а личные предрасположенности, распоряжения, улаживания, неформальные связи и др., как непроизводительную [8. С. 426–428; 9. С. 408]. Несовместимость социальных и личностных ожиданий ведет к утрате веры человека в то, что его судьба, успехи, достижения зависят от него самого. Ролевой кризис, как несовместимость личностных и социальных ожиданий, приводит не только к настроениям разочарования и неверия, но и к отклонениям в социальном поведении значительной части населения. Социокультурная дезинтеграция общества обостряет чувствительность людей к проблеме социальной справедливости – к тому, в какой мере социальные ожидания в отношении их действий являются правильными, оправданными, в какой мере социальное устройство общества соответствует личностным ожиданиям. Не случайно в современном российском обществе популярными становятся, наряду с идеей «наведением порядка», идеи социальной справедливости.

Смысловой предел проявляется как социально-культурный (идеологический) и как внутриличностный (ориентационный) предел. В условиях социокультурной дезинтеграции проблемность социокультурного мира приобретает кризисные черты: амбивалентность, несовместимость в общественном сознании и настроениях. Такая

парадоксальность вытекает из разрыва между личностным смыслом и социальными значениями, социальными ожиданиями и личностными ожиданиями, ценностно-нормативным представлением о социальном порядке и осознанием необходимости постоянных социальных изменений. Потеряв опору в личностных смыслах и личностных ожиданиях, обнаруживая все большую бессмысленность того, что принято наделять общественным значением предъявляемых к личности социальных ожиданий индивид начинает ориентироваться на различные, подчас взаимоисключающие социальные значения, воспринимаемые личностью некритически, всеядно. В результате в социальных ролях и мире смыслозначений личностные и социальные ожидания, личностные смыслы и социальные значения вступают в состояние взаимного отторжения. Неблагополучие и связанное с ним ощущение бессилия приводит к ограничению мира смыслозначений рамками семьи, частной жизни, игнорированию проблем общества. В результате социокультурное разрушение общества приобретает форму кризиса социокультурной идентичности. Данный кризис существует как кризис идентичности личности, кризис идентичности социальных систем и кризис идентичности культуры на макро-, мезо- и микро-уровнях общественной жизни. Российское общество как социальная система в результате внешней интервенции и внутренней дезинтеграции может утратить свою идентичность (тождественность самому себе), если окажется неспособным отождествить себя с российским типом личности и российской культурой. Российская культура может потерять свою идентичность, если окажется неспособной отождествлять себя с личностью россиян, с российским обществом. Личность утрачивает свою идентичность без отождествления себя с обществом и культурой. Эмпирически различить социальную, культурную и индивидуальную идентичность практически невозможно – в реальности мы имеем дело с взаимосвязанной и целостной социокультурной идентичностью, фиксируемой исследованиями как идентичность личности. Кризис идентичности личности, приобретая массовый, типичный характер обуславливает кризис и социальной и культур-

ной идентичности. Традиционализм и актуализм как темпоральные ориентиры социокультурной идентификации, фиксируемые различными исследованиями, могут быть «нормальными» для обществ, примирившихся с бесперспективностью своего развития. Для динамичного развития социума более существенное значение приобретает социокультурная идентификация, ориентированная на будущее. В российском обществе произошел социокультурный разрыв не только между прошлым и настоящим, но и между настоящим и будущим. Одним из проявлений кризисного состояния нашей страны является высокий уровень тревожности, обусловленный неопределенностью будущего. Кризис идентичности российского общества как социума и культурно-исторического типа находит свое отражение в том, что для многих людей российская цивилизация не ассоциируется ни с прошлым, ни с настоящим, ни с будущим. Идентификация «россиянин» также не стала господствующей [10. С. 96–97]. Отождествление себя с будущим состоянием социальной системы и культуры возможна лишь тогда когда человек видит свою личностную перспективу в контексте социокультурного развития общества. Социокультурная идентификация, не ориентированная на социальную, культурную и личностную перспективу, становится тупиковой. Кризис идентичности проявляется в разрыве между социальной, культурной и самоидентификацией не только в будущем, но и в настоящем. Атомизация российского общества выражается в сужении круга социогрупповой идентичности. Разрыв в социокультурной идентичности – между социальной, культурной и самоидентичностью, между прошлым, настоящим и будущим в идентификационных ориентациях образует разрыв и в социокультурном воспроизводстве общества в целом, поскольку социальная система и культура воспроизводятся, в конечном счете, на базе социокультурной идентичности личности.

Наблюдаемый в социокультурном пределе разрыв между прошлым, настоящим и будущим существует и в российском менталитете. «В традиционном российском менталитете преобладает ощущение модели поведения, которая не ак-

центрирует успех (догнать и перегнать соперников), а сохраняет позитивное содержание морального климата в коллективе. Для русского человека большое значение имеет оправдание доверия окружающих, желание не подвергать их неоправданному риску, готовность к взаимовыручке. С сожалением нужно отметить, что идея гордости за свой народ, радости от осознания себя русским – пропагандируется сегодня недостаточно, мала её самооценочность. А это один из показателей этнокультурного самосознания, важная характеристика ментальности русского человека. В современных философских, культурологических, педагогических исследованиях отмечается возрастание роли этнических и культурных факторов в формировании ментальности

личности, подчеркивается сложность и противоречивость их взаимовлияния» [11. С. 18–19].

Вышеуказанные проблемы России связаны с первой фазой предела – социальным хаосом, который приобретает особую остроту в условиях традиционной российской нестабильности. Состояние нестабильности, несмотря на явное деструктивное содержание, в то же время содержит бесконечное количество параметров порядка, что позволяет формировать широкий спектр альтернативных сценариев управления социальной реальностью. Таким образом, Россия имеет все шансы выбрать наиболее рациональный гармоничный путь социально-культурного развития.

Библиографический список

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т.1. От прошлого к будущему / А. С. Ахиезер. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 804 с.
2. Пиотровский М.Б. Куда идет российская культура?: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2010. № 9. [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=category&sectionid=8&id=22&Itemid=52 (10.05.2017).
3. Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 3–6. [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=category&sectionid=12&id=30&Itemid=55 (13.04.2017).
4. Бердяев Н.А. Философия свободы; Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 607.
5. Франк Л. Непостижимое. М.: Изд-во «Правда», 1990. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/frank/nepost/01.html> (01.12.2016).
6. Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука. 2001. 392 с.
7. Хренов Н.А. Культура в эпоху социального хаоса. М.: Едиториал УРСС, 2002. 448 с.
8. Лапин Н.И. Власть, вседозволенность и свобода в ценностном сознании россиян // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 419–428.
9. Шабанова М.А. Индивидуальная и социальная свободы в реформируемой России // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 399–410.
10. Данилова Е.Н. Гражданские и этнические идентификации в России и Польше // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России: сб. науч. тр. / отв. ред. В.С. Магун. М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. С. 74–102.
11. Еромасова А.А. Ментальность русского человека как феномен национальной культуры (философско-антропологический анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / А.А. Еромасова. СПб., 2007. 41 с.

Сведения об авторе

Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Иркутского национального исследовательского технического университета, e-mail: struken@ex.istu.edu

Struk Elena Nikolayevna, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of Sociology and Social Work Department in Irkutsk National Research Technical University, e-mail: struken@ex.istu.edu